

Мобилизация резервов мощностей в российской промышленности: альтернатива или иллюзия активизации инвестиционного процесса?¹

А. В. АЛЕКСЕЕВ, доктор экономических наук.

E-mail: avale@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4068-5951

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. В статье показано, что невысокая инвестиционная активность в РФ наблюдается на фоне крайне неравномерной загрузки имеющейся системы производственных мощностей в промышленности – от высокого уровня в добыче полезных ископаемых до крайне низкого в машиностроении. При этом результаты расчетов свидетельствуют об отсутствии в российской системе производственных мощностей значимых резервов. В этой системе наблюдаются определенные структурные сдвиги, но ни ее совокупная мощность, ни эффективность использования не растут. Обосновывается вывод, что в условиях невысокой эффективности рыночной модели развития отечественного производственного сектора государство должно взять на себя большую долю ответственности за его развитие.

Ключевые слова: экономический рост; инвестиции; платежеспособный спрос; денежный агрегат M2; загрузка производственных мощностей; резервы мощностей

Проблематика инвестиций в российском экономическом дискурсе подобна теме воспитания детей в социальном – вечна, шумна и безнадежна. При этом инвестиции осуществляются, дети растут, а профессионалы (экономисты и родители) постоянно недовольны получаемыми результатами.

Жизнь показывает, что за сколь-нибудь длительным недовольством стоит простой факт – мы не можем справиться с порождающей его проблемой. Почти всегда это означает, что сама эта проблема либо понимается неправильно, либо не осознается вовсе.

¹ Работа выполнена по плану НИРИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

Инвестиционный процесс в РФ затухает. О недавних приростах инвестиций в 12%, 17% и даже 24% в год уже и не принято вспоминать, они кажутся немислимыми на фоне нынешних 2–5%, а в отдельные годы и вовсе отрицательных значений. Может, снижение инвестиционной активности – объективный процесс? Россия все же страна с рыночной экономикой, рынку виднее. Стоит ли перенапрягать экономику, если существующий производственный аппарат, судя по данным Росстата, работает далеко не на полную мощность?

Рассмотрим основные факторы, определяющие интенсивность инвестиционного процесса, разберемся, почему, казалось бы, теоретически верные действия регулятора приводят не к росту экономики, а к ее стагнации с постоянной угрозой скатывания в рецессию. Наконец, попытаемся понять, есть ли значимые резервы в отечественной системе производственных мощностей, мобилизация которых деактуализирует задачу поиска дополнительных инвестиционных ресурсов.

Экономический рост, инвестиции и деньги. Все вместе или ничего

Необходимость инвестиций – общее место в экономической науке [Аганбегян, 2020]. Никто всерьез не оспаривает одно из основных положений классической политэкономии: «вначале затраты, потом результаты». Проблема, как обычно, в деталях – в приемлемом для общества распределении общественного продукта на инвестиции и потребление. Больше инвестиций – меньше текущее потребление (пока абстрагируемся от возможности займа), но при этом перспектива увеличения потребления в будущем, хотя, строго говоря, и не гарантированная. Меньше инвестиций – в общем случае больше текущее потребление, но опять-таки не строго: часть ресурсов может направляться на накопление (инвестиции), часть – на сбережение (приобретение иностранной валюты, предоставление займов экономическим агентам на потребительские цели и т.п.).

Эти простые соотношения показывают, что для осуществления инвестиций (отказа от текущего потребления во имя не вполне определенного будущего) у обладателя средств должен быть достаточно сильный стимул. В рыночной экономике для собственника капитала эту роль выполняют ожидания, что

инвестированные средства удастся вернуть в приемлемые сроки с удовлетворительным процентом; для государства – необходимость решать задачи, которые оно считает значимыми для национального развития.

Эти стимулы имманентны для рыночной экономики, но мера их проявления зависит от множества причин. У собственника капитала в силу особенностей институционального развития общества могут возникнуть сомнения в возможности не только получить прибыль, но и вернуть вложенное. Государство может не справиться с постановкой целей национального развития и/или с их достижением. Результат – если и не полная остановка инвестиционного процесса, то постепенное его затухание со смещением горизонта планирования влево по временной шкале.

Отметим, что стимулы к осуществлению инвестиций поддерживаются на *нормальном* уровне лишь в двух случаях: 1) институциональная система общества полностью соответствует уровню его социально-экономического развития, что, как и любой другой идеал, практически недостижимо; 2) общество в лице государства сознательно смещает баланс «текущее потребление/накопление» в пользу последнего.

Здесь скрывается одно из основных *искушений* современных демократий. У партий (и их кандидатов), баллотирующихся на четырех-пятилетний срок, всегда есть соблазн пойти на выборы под лозунгом большего потребления сегодня при неявном отказе от роста, во всяком случае, значимого, потребления в будущем. Далеко не во всех странах (даже развитых) это искушение преодолевается. Так, доля инвестиций в ВВП в США, Великобритании, Германии и ряде других стран невелика (табл. 1). Избиратели в этих странах голосуют за партии, обещающие обеспечить немедленный рост потребления, что возможно только при стабильной, а в ряде случаев и снижающейся доли инвестиций в подлежащем к распределению общественном продукте.

Закономерным результатом затухания инвестиционной активности в развитых европейских странах (а также в США и Канаде) стало торможение роста ВВП: в пересчете по ППС за 10 лет (с 2010 по 2020 гг.) он составил от 30% до 40%. У стран же, которым удается поддерживать высокую норму накопления, и результаты другие. Так, Турции удалось увеличить свой ВВП

(по ППС) на 87%, Китаю – почти вдвое². Правда, эти страны нельзя отнести к демократическим.

Таблица 1. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП в 1990–2020 гг., %

Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Китай	24,0	32,3	32,6	39,4	43,9	42,1	42,8
Турция	22,9	23,8	22,2	26,4	24,6	29,6	27,2
Беларусь	21,9	24,7	25,2	26,5	38,8	28,7	24,8
Канада	21,8	18,4	19,6	21,8	23,5	23,9	23,0
Франция	23,4	20,1	21,5	21,8	22,1	21,5	23,0
Казахстан	..	23,1	17,3	28,0	24,3	22,9	22,9
Германия	24,4	23,5	23,1	19,1	19,5	20,0	21,9
РФ	28,7	21,1	16,9	17,8	21,6	20,6	21,8
США	21,3	20,9	23,1	22,9	18,4	20,4	21,4
Великобритания	23,5	18,0	17,9	17,3	16,0	17,2	17,6
Польша	..	17,4	23,7	18,9	20,3	20,1	17,1
Армения	44,3	16,2	21,7	35,1	39,4	20,6	16,6
Украина	..	23,3	19,7	20,8	17,0	13,5	13,0

Источник. World Development Indicators, DataBank (worldbank.org).

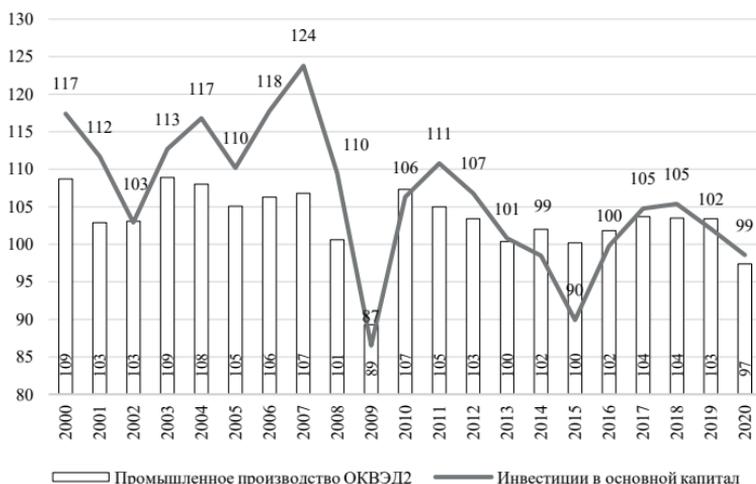
В РФ тенденция иная – доля инвестиций в основной капитал в ВВП после 2000 г. росла и в 2020 г. уже примерно соответствовала уровню США и Германии. Рост ВВП по ППС в последние 10 лет также соответствовал немецкому уровню. Принципиальное отличие здесь в том, что развитые страны ослабляли свою инвестиционную активность, уже имея высокоразвитый производственный аппарат. Экономика же, доставшаяся России от советского периода, была существенно иной. Поэтому долю инвестиций в ВВП, которая лишь во втором десятилетии нового века достигла уровня развитых стран, нельзя считать достаточной, тем более в свете вызовов, с которыми столкнулась Россия в последние годы. Многие страны, находящиеся в гораздо менее жестких внешнеэкономических условиях, уделяют инвестициям в основной капитал заметно больше внимания, чем РФ [Гурова и др., 2022]. Даже бывшие советские республики (за исключением Украины и Армении, не славящихся экономическими достижениями) здесь впереди РФ.

² Данные Всемирного банка

В чем причина столь умеренной инвестиционной активности? Ведь утверждать, что российская технологическая система уже достаточно развита и больше не нуждается в апгрейде, не берутся даже самые ярые сторонники постиндустриального развития.

Формальный ответ очевиден: для инвестиций в РФ ни у бизнеса, ни у государства нет четких стимулов (не путайте с запросом на *разговоры* об инвестициях) [Механик, 2021]. Хуже того, до февральских событий 2022 г. не было даже признаков появления этих стимулов.

Действительно, если в 2000–2008 гг. среднегодовые темпы роста выпуска промышленной продукции составляли 5,6%, то в 2012–2020 гг. – только 1,8% (рис. 1). Понятно, если какие-то производства растут, у них растут и инвестиции. Какие-то, напротив, исчезают, там нет и инвестиций. Как бы то ни было, на макроуровне по мере сокращения прироста производства сокращается и прирост инвестиций.

Источник. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/ЦБ РФ>. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/? PrtId=dkfs> (дата обращения: 18.01.2022).

Рис. 1. Промышленное производство и инвестиции в основной капитал в 2000–2020 гг.,%

Здесь возникает принципиальный вопрос: инвестиции сокращаются потому, что по каким-то причинам падает производство, или производство снижается вследствие сокращения инвестиций?

Второе утверждение, безусловно, верно. Более того, верно даже обратное: увеличение инвестиций ведет к приросту выпуска продукции. Но как быть с первым? Может ли в рыночной экономике динамика инвестиций «игнорировать» наблюдаемый в течение целого десятилетия тренд на снижение производства продукции? Из литературы известны истории о построенных, но не заселенных городах, дорогах в никуда в Китае. Но это из области решений «партии и правительства», а не рыночных агентов.

Предположим, что производитель, видя, что спрос на его продукцию перестал расти, приостанавливает и свою инвестиционную программу, сохраняя ее, в лучшем случае, на уровне простого воспроизводства. С точки зрения экономической теории в контексте конкретного производителя ситуация не просто рядовая, а неизбежная – либо срок жизни производимого продукта заканчивается (например, магнитофонных кассет), либо производитель становится неконкурентоспособным по издержкам, генерируемым устаревшей технологией (оставим пока в стороне потенциал организационно-экономических факторов апгрейда бизнеса). Выход у собственника один – необходимы инвестиции либо в организацию производства нового продукта, либо для перехода на новую технологию.

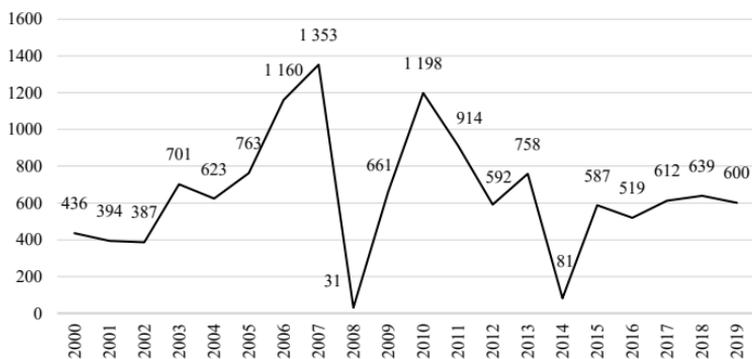
Но мы рассматриваем проблему в более широком контексте – на уровне не конкретного производителя, а всей российской экономики. Производство и, как следствие, инвестиции, стагнируют не потому, что продукция уходит с рынка или устарела используемая технология (хотя, конечно, и то и другое наблюдается во множестве отраслей), а потому что спрос уперся в *стеклянный потолок* одновременно у многих производителей.

Что произошло со спросом? Судя по данным рисунка 1, до 2007 г. никаких проблем с ним не было. В рыночной экономике спрос определяется наличием финансовых ресурсов у экономических агентов. Увеличивается количество денег (пока не затрагиваем проблему инфляции) – растет спрос, стабилизируется – останавливается рост и спроса, и подстраивающегося под него производства. Дальнейший рост производства в условиях *неувеличения* денежных ресурсов у рыночных агентов возможен лишь при снижении цен на продукцию. На отдельные виды товаров цены снижаются довольно часто, но в целом экономика плохо переносит массовое снижение цен (и это отдельная тема для

обсуждения). Жесткие бюджетные ограничения рыночных агентов переводят экономику в стагнационный режим воспроизводства, что мы и наблюдаем на протяжении последних десяти лет.

Откуда же до 2007 г. у рыночных агентов брались дополнительные средства на формирование спроса и, соответственно, производства? Напомним, что именно в тот период быстро дорожал основной продукт российского экспорта – нефть (с 24 долл./баррель в 2001 г. до 121 долл. в 2012 г.). Чтобы не допустить переукрепления рубля, ЦБ был вынужден эмитировать рубли и выкупать растущий поток валюты [Гильмундинов, 2019]. На рисунке 2 хорошо видно, как быстро в первом десятилетии нового века росла денежная масса (в постоянных ценах).

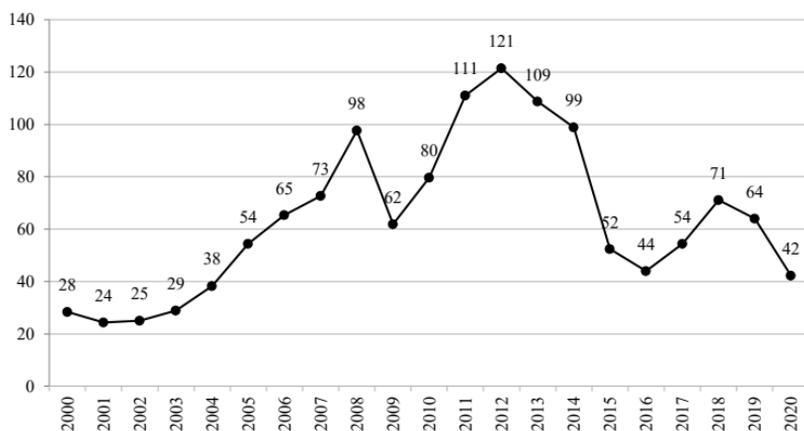
Отметим, что мягкая монетарная политика в тот период осуществлялась скорее вопреки, а не благодаря воле ЦБ [Баранов, Агеева, 2021]. Как только цена на нефть пошла вниз (с 2013 г., рис. 3), стал быстро сокращаться и прирост $M2^3$. Так, в 2019 г. он был заметно меньше (в постоянных ценах), чем в 2003 г. (600 и 701 млрд руб. соответственно). ВВП же за это время вырос в 1,8 раза.

Источник. Рассчитано по данным: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/37697>, Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=dkfs> (дата обращения: 18.01.2022).

Рис. 2. Прирост денежного агрегата $M2$
в 2000–2019 гг., млрд руб. в ценах 2000 г.

³ Наличные деньги в обращении и безналичные средства резидентов РФ.

Источник. Цены на нефть. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%8B_%D0%BD%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C (дата обращения: 15.01.2022).

Рис. 3. Среднегодовые цены на нефть марки Brent в 2000–2020 гг., долл./барр.

Выскажем в порядке дискуссии предположение: резкое, даже шоковое сокращение прироста денежной массы с 2011 г. (с учетом ее динамики в 2002–2007 гг.) остановило рост спроса на промышленную продукцию. Другие факторы экономического роста оказались слишком слабы, чтобы компенсировать *вдруг* ставшим достаточно жестким бюджетное ограничение рыночных агентов. Экономика перешла в стагнационный режим простого воспроизводства.

Стимулировать экономический рост, а следовательно, и инвестиции могут не только рыночные силы, но и целенаправленная деятельность государства. Однако на протяжении последних 20 лет российское государство не проявляло себя в качестве активного игрока на инвестиционном поле. Лишь в 2019–2020 гг. ситуация как будто начала меняться. Тем не менее доля инвестиций в основной капитал за счет бюджетов всех уровней в 2020 г. была меньше, чем в 2005 г., не говоря уже о 2000 г. (табл. 2).

Таблица 2. Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования в 2000–2020 гг. в фактически действовавших ценах, % к итогу

Инвестиции	2000	2005	2010	2012	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:											
собственные средства	47,5	44,5	41,0	44,5	45,7	50,2	51,0	51,3	53,0	55,0	55,2
привлеченные	52,5	55,5	59,0	55,5	54,3	49,8	49,0	48,7	47,0	45,0	44,8
из них кредиты банков	2,9	8,1	9,0	8,4	10,6	8,1	10,4	11,2	11,2	9,8	10
в т.ч.: иностранных	0,6	1,0	2,3	1,2	2,6	1,7	2,9	5,4	4,4	2,0	1,8
заемные средства других организаций	7,2	5,9	6,1	6,1	6,4	6,7	6,0	5,4	4,3	4,8	4,8
инвестиции из-за рубежа					0,9	1,1	0,8	0,8	0,6	0,4	0,3
бюджетные средства	22,0	20,4	19,5	17,9	17,0	18,3	16,4	16,3	15,3	16,2	19,1
в т.ч. средства бюджета:											
федерального	6,0	7,0	10,0	9,7	9,0	11,3	9,3	8,5	7,6	7,6	8,7
субъектов РФ	14,3	12,3	8,2	7,1	6,5	5,7	6,0	6,7	6,6	7,4	9,2
местных бюджетов				1,1	1,5	1,3	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2
средства государственных внебюджетных фондов	4,8	0,5	0,3	0,4	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
средства организаций и населения на доленое строительство		3,8	2,2	2,7	3,5	3,2	3,0	3,3	3,5	4,3	3,3
в т.ч. средства населения			1,2	2,1	2,7	2,4	2,3	2,5	2,5	3,1	2,6
Прочие	15,6	16,8	21,9	20,0	15,7	12,1	12,2	11,5	11,9	9,3	7,1

Источник. Росстат. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FInv-if.xls&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 11.01.2022).

В условиях быстро ухудшающейся мировой конъюнктуры, нарастающих внешних и порождаемых ими внутренних угроз государство будет вынуждено всерьез заняться стратегическим

целесолаганием и реструктурированием национальной экономики. Украинский кризис уже сделал этот сценарий неизбежным.

В принципе, государство могло бы сыграть и на стороне рыночных сил. Например, улучшение имеющейся институциональной системы позволило бы увеличить горизонт планирования, что само по себе является сильным фактором активизации инвестиционного процесса.

Но если в постсоветский период и наблюдается прогресс в институциональной сфере, то слабый. В «Индексе глобальной конкурентоспособности» по качеству институтов в 2004–2005 гг. РФ находилась на 89-м месте (данные по 104 странам)⁴, в 2016–2017 гг. – на 88-м (138 стран)⁵, в 2019 г. – на 74-м (141 страна)⁶, в 2020 г. – на последнем месте, правда, в выборке из 37 стран⁷. При этом темпы прироста ВВП в 2005 г. составляли 6,4%, а в 2015 г., при «улучшившихся» институтах, стали отрицательными. Нельзя, конечно, утверждать, что улучшение отечественной институциональной системы не влияет на ускорение экономического роста. Но слабый прогресс в данной сфере – явный показатель того, что российская институциональная система не смогла стать сколько-нибудь значимым фактором роста ВВП на протяжении уже двух десятилетий. Возможно, что-то здесь изменится в среднесрочной перспективе.

Таким образом, анализ основных стимулов к экономическому росту в российской экономике приводит к психологически дискомфортному выводу: быстрый рост производства промышленной продукции и сопровождающая его активная инвестиционная программа наблюдались в годы сравнительно мягкой монетарной политики. Ужесточились финансовые ограничения – резко замедлилось и экономическое развитие. Конечно, нужно обсуждать, насколько замедлению экономического роста способствовало введение международных санкций против российской экономики [Казанцев и др., 2021], но еще раз подчеркнем – сначала

⁴ The Global Competitiveness Report 2004–2005. URL: http://www.ieseinsight.com/casos/Study_0035.pdf, P. xvii.

⁵ The Global Competitiveness Report 2016–2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1>, P. 307.

⁶ The Global Competitiveness Report 2019. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2019>. P. 483.

⁷ The Global Competitiveness Report. Special Edition 2020. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf. P. 73

прекратился экономический рост (в 2013 г.), потом (во второй половине 2014 г.) начали вводиться санкции.

Следует ли из этого *простой* вывод: давайте ослабим кредитно-денежные ограничения, и все снова станет хорошо? Дискуссия о монетарной политике Банка России продолжается много лет. Давно сформировались две противоположные точки зрения: России необходима жесткая денежная политика (характерна для представителей банковского сообщества) [Кудрин и др., 2017], монетарную политику целесообразно смягчить (в большей степени разделяется представителями академического и бизнес-сообщества) [Баранов, Сомова, 2015]. Сам факт, что дискуссия далека от завершения, говорит о том, что убедительных аргументов, удовлетворяющих обе стороны, нет. Не повторяя их доводы, отметим, что решение, по-видимому, следует искать *в мере* жесткости/мягкости монетарной политики.

Эта *мера* определяется в первую очередь теми резервами, которыми обладает российская производственная система. Действительно, если ее мощности используются на 50% из-за отсутствия спроса, активизация последнего (появление дополнительных финансовых ресурсов у покупателей) приведет к росту производства продукции на основе увеличения использования мощностей. Проблема возникает, если коэффициент использования мощности близок к 100%. Увеличение спроса в этом случае приведет к росту цены продукции, но не ее физического выпуска, т.е. к инфляции. Как только мощность становится дефицитной, дальнейшее смягчение монетарной политики оказывается малоэффективным с точки зрения стимулирования производства и губительным для экономики в целом из-за стимулирования инфляции.

Что хуже для экономики – перегнуть или «недогнуть» палку с жесткостью монетарной политики? Нам кажется, *незначительное* смягчение монетарной политики – меньшее зло. В этом случае явный дефицит мощностей по отдельным позициям – лучший индикатор бизнеса, какие узкие места в производственной системе необходимо расширять. К сожалению, за него надо платить. Цена – некоторое (пропорционально степени мягкости проводимой монетарной политики) ускорение инфляции. При этом при «*недогибе*» существует риск, что система вновь стабилизируется на невысоком уровне производственной активности.

Таким образом, мы подошли к важному в контексте выбора монетарной стратегии вопросу: есть ли в российской системе производственных мощностей резервы, позволяющие при условии осторожного смягчения монетарной политики увеличить темпы экономического развития без значимой активизации инвестиционного процесса? Остановимся на этой проблеме подробнее.

Больше доить, меньше кормить. А вдруг получится?

По данным Росстата, коэффициент использования производственных мощностей (ПМ) в промышленности РФ невелик. Казалось бы, это говорит о том, что резервы для экономического роста есть, причем существенные. Тогда рациональнее было бы сначала повысить эффективность использования имеющегося производственного аппарата, а потом уже говорить об увеличении инвестиций. Отметим, что эта тема обычно незаслуженно остается в тени [Селиверстова, 2011] традиционно острых дискуссий о качестве и интенсивности инвестиционного процесса в РФ [Порфирьев и др., 2020. С. 4]. Но чтобы понять, насколько значимы резервы, позволяющие сэкономить на инвестициях, нужно подробнее рассмотреть ситуацию с ПМ в отечественной промышленности.

Прежде всего отметим не слишком последовательную политику Росстата в предоставлении необходимой для этого информации. С одной стороны, Росстат, разрабатывая полноценный баланс ПМ, открытого доступа к нему не предоставляет. С другой – на его сайте есть данные об уровне использования мощностей за 2010–2020 гг. примерно по 80 позициям, структурированным по видам деятельности. В Единой межведомственной информационно–статистической системе (ЕМИСС) данных больше: около 350 позиций по среднегодовым мощностям, задействованным в 2017–2020 гг. и 300–400 позиций (в разные годы) – по их использованию за 2010–2020 гг. Обобщенных данных по экономике в целом, а также по отдельным отраслям в этих базах нет.

Информация о загрузке ПМ по промышленности РФ в целом представлена на аналитических ресурсах (рис. 4). Нетрудно найти и данные о загрузке мощностей по укрупненным отраслям (рис. 5).

Источник. Trading Economics <https://ru.tradingeconomics.com/russia/capacity-utilization> (дата обращения: 11.02.2022).

Рис. 4. Использование производственных мощностей в РФ
в 2000–2020 гг.,%

Источник. Деловой климат в промышленности в августе 2020 г. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 7.

Рис. 5. Загрузка производственных мощностей РФ по отраслям
промышленности в 2011–2020 гг.,%

Сложнее с информацией о загрузке ПМ по отдельным видам деятельности. Эти данные рассчитываются при подготовке балансов мощностей, но не публикуются. В открытом доступе они есть в докладе «Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России» [Сальников и др., 2017. 185], правда, только

до 2015 г. В настоящей работе не будем пытаться самостоятельно воссоздать баланс ПМ, а сосредоточимся на анализе открытой информации.

По данным рисунка 4 в последние десять лет средняя загрузка ПМ колебалась в диапазоне 60–66%. Это немного. В США данный показатель составляет 75–78%, и лишь в апреле-мае 2020 г. опустился⁸ ниже 65%.

Таким образом, утверждение о наличии в РФ резервов экономического роста как будто небезосновательно. Однако углубление в российские реалии показывает, что с подобными выводами спешить не стоит. Отечественная производственная система заметно трансформировалась в постсоветский период, но до ее соответствия как внутренним, так и внешним вызовам еще далеко. В ее составе сохраняются как устаревшие мощности, так и невостребованные в связи с изменившейся структурой экономики, наконец, мобилизационные мощности. На них невозможно производить конкурентоспособную продукцию. Это балласт, который может быть использован при определенных критических обстоятельствах, но рассматривать его как реальный резерв ускорения экономического роста нельзя.

В докладе Центра стратегических разработок отмечается, что в российской обрабатывающей промышленности (без нефтепереработки) доля неконкурентоспособных мощностей (с возрастом свыше 10 лет, незагружаемые, по меньшей мере, последние пять лет) составляет примерно 13–14% [Сальников и др., 2017. С. 11].

Если исключить их из расчета, выясняется, что загрузка российских ПМ примерно соответствует американской. При этом похоже, что эта величина близка к предельной: в последний раз США удалось загрузить свои производственные мощности на 81% в феврале 2008 г. По-видимому, национальная производственная система не может использоваться на уровне, сколько-нибудь заметно превышающем 80% в силу сезонности ряда производств, постоянно меняющегося спроса на конечную продукцию, нестабильности цен на сырье и комплектующие, ограничений по их физической доступности, наличия узких

⁸ Investing.com U.S. Capacity Utilization Rate. URL:<https://www.investing.com/economic-calendar/capacity-utilization-rate-31>.

мест в системе (даже в отсутствие финансовых ограничений на создание новых производственных фондов необходимо время), наконец, необходимости содержания мобилизационных мощностей. Очевидно, что все эти ограничения в России работают заметно жестче, чем в западных экономиках, не находящихся под санкциями, обладающих большими ресурсами и лучше сбалансированных.

Таким образом, если в российской производственной системе и есть резервы мощностей, то они не слишком велики.

Дальнейшее погружение в статистику ПМ выявляет новые грани проблем, стоящих перед российским производственным аппаратом. Так, Росстат предоставляет информацию по уровню использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции. Информация структурирована в рамках крупных товарных групп, но число позиций в каждой группе невелико и в различные периоды непостоянно.

Расчет коэффициента использования мощностей по отраслям промышленности на основе небольшого количества невзвешенных позиций методологически уязвим. Действительно, сопоставление его результатов с данными Росстата показывает, что в ряде случаев наблюдается полное соответствие, иногда – небольшие расхождения, но периодически фиксируются значимые отклонения. Тем не менее качественно оценить общий уровень дифференциации загрузки мощностей по отдельным крупным отраслям, направление изменения загрузки (увеличение/уменьшение) вполне возможно. В таблице 3 приведены среднеарифметические использования ПМ по крупным отраслям промышленности.

Обращает на себя внимание крайняя неравномерность использования ПМ по отдельным видам деятельности – от весьма высокого (и растущего относительно среднего по виду деятельности за период) уровня в добыче полезных ископаемых до крайне низкого и снизившегося относительно среднего за период в машиностроении.

Таблица 3. Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций РФ по выпуску отдельных видов продукции в 1990–2020 гг. без субъектов МП, %

Отрасль	1990	1995	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2014	2015	2016	2018	2019	2020
Добыча полезных ископаемых (4 позиции)*	93	65	70	76	76	73	63	73	78	76	77	89	88	84
Производство пищевых продуктов (20)	79	41	44 (39)**	54 (54)	56 (58)	55 (57)	54 (57)	54 (57)	55 (58)	54 (59)	55	54	54	54
Текстильное и швейное производство (7)	87	26	34 (32)	49 (48)	54 (54)	53 (55)	53 (55)	52 (56)	51 (55)	47 (57)	49	41	41	35
Обработка древесины и производство изделий (5)	80	26	41 (38)	50 (60)	55 (68)	55 (67)	47 (55)	67 (62)	66 (59)	67 (58)	81	80	78	78
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность (2)	91	49	71 (69)	83 (77)	86 (81)	85 (79)	80 (75)	80 (77)	81 (77)	85 (82)	91	91	89	90
Химическое производство (7)	74	43	53 (50)	64 (65)	68 (69)	65 (66)	60 (62)	75 (67)	74 (71)	75 (74)	76	75	75	75
Производство резиновых и пластмассовых изделий (3)	74	30	51 (53)	64 (68)	73 (74)	69 (68)	53 (53)	67 (66)	66 (60)	63 (56)	61	73	71	69
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (7)	93	60	71 (74)	82 (83)	87 (86)	80 (80)	77 (72)	71 (79)	70 (81)	70 (80)	67	62	64	56
Производство машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования (20 значений) (Производство машин и оборудования)			(21)	(31)	(45)	(46)	(29)	(37)	(35)	(35)				
(Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования)			(36)	(54)	(48)	(47)	(40)	(60)	(47)	(34)				
(Производство транспортных средств и оборудования)			(51)	(60)	(74)	(67)	(27)	(48)	(52)	(38)				
В среднем	81	37	43	55	60	58	48	54	53	52	52	54	54	53

Примечание. * Количество позиций по отраслям. ** В скобках – официальные данные Баланса производственных мощностей за 2000–2015 гг. по видам деятельности.

Источник. [Сальников и др., 2017. С. 158–183]. Рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 11.02.2022).

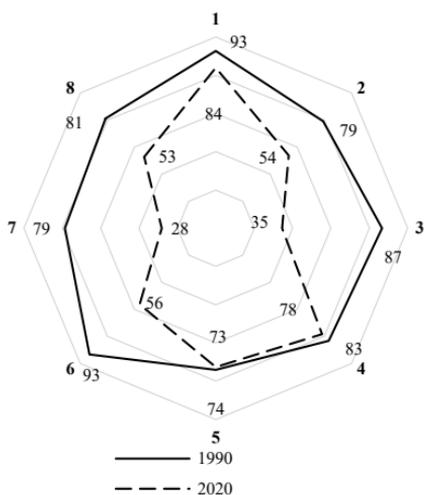
Представленный условный расчет подтверждает известный тезис о том, что российская экономика так и не оправилась после финансового кризиса 2008–2009 гг. При этом интенсивность использования имеющейся производственной базы не просто снизилась, но и структурно изменилась. На фоне общего снижения использования ПМ заметно выросла интенсивность загрузки в добыче полезных ископаемых, обработке древесины, производстве кокса и нефтепродуктов, т.е. отраслей, задающих движение в сторону создания ресурсной экономики.

Ресурсный вектор развития отчасти объясняет (но не оправдывает!) быстрое сокращение загрузки мощностей в текстильных и швейных производствах, металлургии и особенно – в машиностроении. Тем не менее систематическое недоиспользование ПМ в производстве машин и оборудования (на уровне 35% и менее) вызывает серьезные вопросы. Даже если система ПМ, полученная Россией в наследство от Советского Союза, и была не вполне сбалансированной, таких перекосов в ее использовании все же и близко не было (рис. 4).

В немалой степени катастрофическая ситуация с производственной загрузкой в машиностроении объясняется высокой долей неконкурентоспособных мощностей. В докладе Центра стратегических разработок доля таковых в инвестиционном сегменте оценивается в диапазоне от 16% (производство транспортных средств) до 25% (производство машин и оборудования) [Сальников и др., 2017. С. 11]. Данная ситуация является прямым следствием низкой инвестиционной активности в российской экономике: современные мощности в достаточном количестве не вводятся, а старые сохраняются на балансе компаний, так как их просто нечем заменить.

Но основные причины слабости отечественного обрабатывающего сектора, усугубляемой его неэффективным функционированием, были заложены еще в нулевых годах. Именно тогда российская производственная система стала интенсивно перестраиваться под требования глобальной экономики – начал бурно развиваться добывающий сектор и, на рыночных принципах, обрабатывающий. Последние предполагали почти беспрепятственный допуск на российский рынок зарубежных эффективных производителей с перспективой вытеснения отечественных неэффективных и развитие в РФ не столько

производственных, сколько сборочных мощностей. Резкое ухудшение внешнеэкономических условий наряду с девальвацией рубля в значительной степени обесценило эту специализацию, выявив трудности в замене импортных комплектующих отечественными и, соответственно, невозможность эффективно загрузить теперь уже сборочные производства.

- 1 – Добыча полезных ископаемых.
- 2 – Пр-во пищевых продуктов.
- 3 – Текстильное и швейное пр-во.
- 4 – Обработка древесины и пр-во изделий, целлюлозно-бумажное пр-во; издательская и полиграфическая деятельность.
- 5 – Пр-во кокса и нефтепродуктов, химическое пр-во, пр-во резиновых и пластмассовых изделий.
- 6 – Metallургия и пр-во готовых металлических изделий.
- 7 – Пр-во машин и оборудования, электрического, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования.
- 8 – В среднем.

Источник. Рассчитано по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 11.02.2022).

Рис. 6. Использование производственных мощностей в 1990–2020 гг., %

Интересно отметить, что среднеарифметические невзвешенные оценки загрузки системы ПМ при существенно различной величине выборки – 76 позиций в таблице 3 и 308–398 при обращении к данным ЕМИСС – практически идентичны (различия по модулю менее 2 п.п.) и на протяжении последних десяти лет находились в диапазоне 52–55%. Это заметно меньше официального показателя использования ПМ (62–66%).

Очевидно, такие расхождения связаны с тем, что множество отдельных мощностей (ЕМИСС) используется с меньшей загрузкой, чем крупные мощности, в существенной степени определяющие стоимостную структуру товарного выпуска (Росстат). Но данное обстоятельство только подчеркивает неоптимальность российской производственной структуры. Если в среднем про-

изводственная система используется лишь на 50%, при этом заметная ее часть меньше (в ряде случаев значительно), чем на 50%, то здесь, очевидно, есть потенциал для оптимизации имеющегося производственного аппарата.

Отметим, перепады (среднее отклонение⁹) в использовании ПМ невелики и постепенно снижаются – примерно 6,9 п.п. в 2010–2016 гг. и 5,3 п.п. в 2017–2020 гг. Колебания производственных мощностей на уровне 10 п.п. и выше встречаются примерно в 20% случаев в период 2010–2016 гг. и в 13% в 2017–2020 гг. Таким образом, режим использования российской системы ПМ сравнительно устойчив.

По-видимому, *среднее отклонение в использовании ПМ* можно рассматривать как некоторую оценку наличия *свободных мощностей, которые в принципе могут быть задействованы для увеличения выпуска продукции*. Причем это оценка снизу. Так, например, использование мощностей по производству экскаваторов в 2017 г. составило 19,3%, в 2018 г. – 22,4%, в 2019 г. – 33,9%, в 2020 г. – 20,5%. Среднее отклонение – 4,9. Но в приведенной оценке учтено как увеличение загрузки, так и ее сокращение. На практике в течение года интенсивность использования мощности легко увеличивается и снижается более чем на 10 п.п., что в целом соответствует оценке, приведенной в докладе Центра статистических разработок [Сальников и др., 2017. С. 55].

Таким образом, определенные резервы производственных мощностей у нас есть, и они могут быть задействованы. Тем не менее это не решает проблему несбалансированности производственной системы в целом. Действительно, в «доковидном» 2019 г. мощности по выпуску магистральных тепловозов были загружены на 83%, а по используемым в их производстве генераторам постоянного тока – на 37%. Ясно, что потенциал повышения использования мощностей по производству генераторов для тепловозов невелик.

Нельзя сказать, что российская производственная система не реагирует на, судя по устойчиво низкому коэффициенту загрузки, постоянно воспроизводящиеся дисбалансы. Временной ряд, по которому имеется информация, недостаточно длинен,

⁹ Среднее линейное отклонение – среднее из абсолютных (по модулю) отклонений от средней арифметической в анализируемой совокупности данных.

чтобы делать далекоидущие выводы (350 позиций в соответствии с ОКПД2 с 2017 г. по 2020 г.). Тем не менее динамика среднегодовых мощностей говорит о том, что движение здесь довольно интенсивно.

Так, в 2020 г. по отношению к 2017 г. по половине (50,4%) позиций наблюдался рост, по половине, соответственно, снижение мощностей, причем весьма значимые: в среднем 23,6% и 21,4% соответственно¹⁰. То есть даже на сравнительно небольшом временном горизонте (четыре года) заметны изменения общей конфигурации производственной системы.

Но эти изменения наблюдаются все же внутри некоторого единства. Нельзя сказать, что в добывающих отраслях мощности только растут, а в обрабатывающих преимущественно падают. Так, например, мощности по производству машин вычислительных электронных цифровых, поставляемых в виде систем для автоматической обработки данных, с 2017 г. по 2020 г. выросли в 3,36 раза (с 79 до 265 тыс. ед.), а мощности по производству гражданских самолетов за тот же период сократились втрое.

В добывающей промышленности разброс темпов роста/снижения мощностей меньше, чем в других отраслях. Так, например, мощности по первичной переработке нефти в 2020 г. по сравнению с 2016 г. сократились на 4,4%, зато по добыче каменного угля за тот же период возросли на 6,3%.

Если же взять среднеарифметическое (невзвешенное) изменение мощностей год к году по представленным позициям (исключив сравнительно небольшое число позиций как со слишком высоким ростом, так и с катастрофическим падением), видно, что в 2018 г. по отношению к 2017 г. совокупная мощность отечественной производственной системы выросла на 4,4%. В 2019 г. темп прироста замедлился до 2,8%, а в 2020 г. и вовсе сократился более чем на 4%. В результате мощность производственной системы в 2020 г. если и была выше, чем в 2017 г., то в пределах статистической погрешности.

То, что мощность российской производственной системы не растет – тревожный симптом. Решать постоянно обостряющиеся под воздействием внешних факторов социальные и иные за-

¹⁰ Число рассматриваемых позиций здесь меньше: 317. Это связано с тем, что сплошные ряды данных есть не по всем позициям.

дачи в ближайшие годы придется, опираясь на производственную базу, сформировавшуюся под застойный формат воспроизводства. Резервы по повышению интенсивности ее использования невелики. А задача технологического прорыва на основе инвестиций поставлена только на словах, реальных решений по увеличению капитальных вложений нет. Соответственно, нет и материальных условий для осуществления такого прорыва. Даже если предположить, что инвестиционный процесс вопреки сложившемуся тренду ускорится, потребуется несколько лет, чтобы трансформировать инвестиции в новые мощности.

Государственное вмешательство в экономику – лучше меньше, да лучше

В целом, заметное увеличение мощностей по половине позиций можно только приветствовать. Правда, почти столь же существенное их снижение по второй половине приводит к выводу, что происходящие в российской производственной системе изменения – не более чем адаптация к постоянно возникающим шокам. По критерию использования ПМ данную адаптацию трудно признать эффективной. Производственный потенциал системы почти не растет, интенсивность использования (эффективность) стабилизировалась на низком уровне и не имеет тенденции к росту.

Возможно ли изменить эту ситуацию? Выше было показано, что в нулевых годах при невысокой активности государства в регулировании инвестиционного процесса, плохих институтах, но мягкой (пусть и вынужденно) монетарной политике экономика быстро росла, сравнительно высока была и загрузка ПМ. После кризиса 2008–2009 гг. роль государства в экономике принципиально не изменилась, институты существенно не улучшились, но кредитно-денежная политика стала жестче. Экономика расти перестала.

Следует ли из этого, что смягчение монетарной политики простимулирует экономический рост? По нашему мнению, да, но с существенными оговорками. Во-первых, потенциал роста ограничен небольшим имеющимся резервом мощностей, который будет быстро выбран при активизации спроса на соответствующие виды продукции и выходом на системные ограничения производственной системы. Во-вторых, усилившаяся инфляция

задаст вектор расширения узких мест в системе, но качество такого роста будет невысоко – при самоустранении государства от решения стратегических задач, стоящих перед российской экономикой, и невысоком качестве институциональной системы горизонт инвестиционных решений рыночных агентов слишком сдвинут влево, чтобы обеспечить серьезные технологические прорывы. В результате решения, способные ответить на стоящие перед Россией вызовы, не принимаются.

Таким образом, смягчение монетарной политики – скорее тактический ход, придание импульса к выходу из состояния стагнации. Стратегический же путь – изменение качества государственного регулирования экономики. Под этим имеются в виду постановка стратегических социально-экономических задач, которые могут быть решены только через преобразование имеющейся технологической базы, и предоставление гарантий бизнесу в части защиты инвестиций, в том числе экономической. Точная настройка такой системы – предмет отдельного серьезного обсуждения [Алексеев, 2021].

В условиях невысокой эффективности рыночной модели развития отечественного обрабатывающего сектора государство должно либо взять на себя большую долю ответственности за его развитие или/и (второе предпочтительнее) улучшить институциональную среду [Дежина, Егерев, 2022] – горизонт инвестиционных решений сдвинется вправо.

У России есть все необходимое для успешного развития – природные ресурсы, квалифицированные кадры, все еще достаточно сильная экономика. Если поменьше пытаться встраиваться в «цепочки создания стоимости» [Дмитриев, 2020] наших зарубежных партнеров и больше сосредоточиться на развитии собственного технологического базиса, стоящие перед Россией социально-экономические задачи начнут решаться, а не смещаться за горизонт, как это происходило в последние годы.

Литература

Аганбегян А. Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 164–182. DOI: 10.38197/2072–2060–2020–222–2–164–182.

Алексеев А. В. Российский обрабатывающий сектор – пора за флажки. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2021–8–104–126 // ЭКО. 2021. № 8. С. 104–126.

Баранов А. О., Агеева Е. В. Влияние денежно-кредитной политики на инвестиционный комплекс России // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21. № 3.

Баранов А. О., Сомова И. А. Анализ основных факторов инфляционной динамики в России в постсоветский период // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2. С. 16–32.

Гильмундинов В. М. Моделирование влияния макроэкономической политики на экономику России / Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2019. 160 с.

Гурова Т., Долженков А., Обухова Е. Почему мы бедны // Эксперт. 2022. № 3. 17–23 января. С. 52–58.

Дежина И. Г., Егоров С. В. Движение к автаркии в российской науке сквозь призму международной кооперации // ЭКО. 2022. № 1. С. 35–53. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-1-35-53

Дмитриев С. С. Протекционистский вектор торговой политики администрации Трампа // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 15–23.

Казанцев С. В., Колпакова И. А., Лев М. Ю., Соколов М. М. Угрозы развитию экономики современной России: ценовые тренды, санкции, пандемия: монография / Под ред. М. Ю. Льва. М.: Первое экономическое издательство, 2021. 221 с. ISBN978-5-91292-352-4.

Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 5–28.

Механик А. Застой и идейная пустота власти // Эксперт. 2021. № 22. 24–30 мая. С. 62–68.

Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Узяков М. Н., Гусев М. С., Шокин И. Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 4.

Сальников В. А., Апокин А. Ю., Галимов Д. И., Гнидченко А. А., Голощанова И. О., Михеева О. М., Рыбалка А. И., Шухгальтер М. Л. Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России. М., 2017. С. 11.

Селиверстова Н. Н. Есть ли резервы мощностей в российской промышленности // ЭКО. 2011. № 2. С. 98–117.

Статья поступила 27.01.2022

Статья принята к публикации 11.03.2022

Для цитирования: *Алексеев А. В.* Мобилизация резервов мощностей в российской промышленности: альтернатива или иллюзия активизации инвестиционного процесса? // ЭКО. 2022. № 4. С. 113–137. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-4-113-137

Summary

Alekseev, A. V., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Mobilization of Capacity Reserves in Russian Industry: an Alternative or the Illusion of Boosting the Investment Process?

Abstract. The paper reveals that low investment activity in Russia is observed against the background of extremely uneven loading of the existing system of production capacities in industry – from a high level in mining to an extremely low level in mechanical engineering. At the same time, the results of calculations indicate the absence of significant reserves in the Russian system of production facilities. Certain structural shifts are observed in the system of production capacities, but neither its total capacity nor the efficiency of its use is growing. The paper substantiates the conclusion that under conditions of low efficiency of market model of domestic production sector development the state should assume a greater share of responsibility for its development.

Keywords: *economic growth; investment; effective demand; monetary aggregate M2; capacity utilization; capacity reserves*

References

Aganbegyan, A. (2020). How to resume social and economic growth in Russia? *Scientific works of the Free economic society of Russia*. No. 2. Pp. 164–182. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2020–222–2–164–182.

Alekseev, A.V. (2021). The Russian Manufacturing Sector. A Time to Cross the Lines. *ECO*. No. 8. Pp. 104–126. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–8–104–126.

Baranov, A.O., Ageeva E.V. (2021). The Impact of Monetary Policy on the Investment Complex of Russia. *World of Economics and Management*. No. 21(3) Pp. 5–29. (In Russ.)

Baranov, A.O., Somova, I.A. (2015). Analysis of main factors of inflation dynamics in post-soviet Russia. *Studies on Russian Economic Development*. T. 26. No. 2. Pp. 110–123. (In Russ.).

Dezhina, I.G., Egerev, S.V. (2022). Movement towards Autarky in Russian Science through the Prism of International Cooperation. *ECO*. No. 1. Pp. 35–53. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–1–35–53

Dmitriev, S.S. (2020). The protectionist trade policy vector of the Trump administration. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No.2. Pp. 15–23. (In Russ.).

Gil'mundin, V. M. (2019). *Modeling the Effect of Macroeconomic Policy on Russia's Economy* (Inst. Ekon. Org.Prom. Proizvod. Sib. Otd. Ross. Akad. Nauk, Novosibirsk. (In Russ.).

Gurova, T., Doljenkov, A., Obuhova, E. (2022). Why we are poor? *Expert*. No. 3. Pp. 52–58. (In Russ.).

Kazantsev, S.V., Kolpakova, I.A., Lev, M. Yu., Sokolov, M.M. (2021). *Threats to economic development of contemporary Russia: price trends, sanctions, pandemic*. First economic publisher. Moscow. ISBN978–5–91292–352–4 (In Russ.).

Kudrin, A., Goryunov, E., Trunin, P. (2017). Stimulative monetary policy: myths and reality. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5. Pp. 5–28. (In Russ.).

Mekhanik, A. (2021). Stagnation and Ideological Emptiness of Power. *Expert*. No. 22. (In Russ.).

Porfiryev, B.N., Shirov, A.A., Uzyakov, M.N., Gusev, M.S., Shokin, I.N. (2020). The main directions of socio-economic development of Russia in 2020–2024 and for the period up to 2035. *Studies on Russian Economic Development*. T. 31. No. 3. Pp. 245–253. (In Russ.).

Salnikov, V., Apokin, A., Galimov, D., Gnidchenko, A., Goloshchapova, I., Mikheeva, O., Rybalka, A., Shuhgalter, M. (2017). *Analysis of the most important structural characteristics of Russian manufacturing capacity*. Moscow. 191 p. (In Russ.).

Seliverstova, N. (2011). Are there reserves of capacity in Russian industry. *ECO*. No. 2. Pp. 98–117. (In Russ.).

For citation: Alekseev, A.V. (2022). Mobilization of Capacity Reserves in Russian Industry: an Alternative or the Illusion of Boosting the Investment Process? *ECO*. No. 4. Pp. 113–137. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-4-113-137